

Эволюция представлений китайских лингвистов о дополнительном элементе (补语 *bǔyǔ*) в предложении

Е. Н. Емельченкова

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Для цитирования: Емельченкова Е. Н. Эволюция представлений китайских лингвистов о дополнительном элементе (补语 *bǔyǔ*) в предложении // Вестник Санкт-Петербургского университета. Востоковедение и африканистика. 2023. Т. 15. Вып. 2. С. 307–331.
<https://doi.org/10.21638/spbu13.2023.206>

Статья посвящена описанию подходов к трактовке буюй, или дополнительного элемента (补语 *bǔyǔ*), позиционируемого в китайской лингвистике как особый член предложения. Рассматривается проблема выделения грамматически значимых частей, связанных общностью выполняемой ими функции, которая в Китае в условиях лингвистического вакуума начала решаться менее века назад за счет заимствованной концепции. Понятие дополняющего или поясняющего семантику глагола или прилагательного в сказуемом члена предложения пришло в описание синтаксиса китайского языка с подачи Ли Цзиньси из англоязычных грамматик, однако довольно скоро подверглось значительному пересмотру. В статье показано, как в результате поэтапного расширения трактовки понятия произошли отход от изначальной концепции и смешение целого ряда смежных языковых явлений. На материале ключевых для китайской науки о языке теоретических работ анализируются важнейшие структурные и семантические особенности языковых единиц, выполняющих функцию дополнительного элемента. Обсуждаются критерии его отграничения от дополнения и обстоятельства, а также целесообразность использования позиционного подхода к выделению членов предложения. Предлагается последовательный и единообразный подход к трактовке элементов с одинаковыми функциями в предложении и упорядочение существующей в грамматических описаниях китайского языка в отношении дополнительного элемента терминологии. С учетом выявленных особенностей утверждается необходимость унификации имеющейся в синологической литературе терминологии в пользу термина «дополнительный элемент».

Ключевые слова: китайский язык, грамматика китайского языка, синтаксис китайского языка, члены предложения, дополнительный элемент, дополнительный член, комплемент, буюй.

Введение

Проблема сегментации предложения на грамматически значимые части, или члены предложения (ЧП), является одной из ключевых задач синтаксического анализа, который важен не столько для теоретической науки, сколько в практическом ключе для нормативного описания грамматического строя языка и целей лингводидактики. Особенно актуальным выделение ЧП оказывается примени-

тельно к языкам типа китайского, где именно функция, которую выполняет единица в составе более крупных синтаксических образований, а не признаки внутренней или грамматической структуры языковой единицы, выступает опорной точкой при уяснении смысла предложения. Объяснение принципов линейной организации предложения в уже известных обучающимся терминах «подлежащее», «сказуемое», «определение» и др. часто оказывается доступнее и прозрачнее для начинающих изучать язык, отличный от родного по морфологическому типу. Для теоретических работ система ЧП оказывается менее востребованной, если не сказать спорной, поскольку «единицы традиционной грамматики членов предложения носят функциональный характер, универсальной формальной методики для их выделения и определения не имеется» [1, с. 92]. Однако в связи с нестыковками, обнаруживаемыми в используемых в России при преподавании китайского языка (КЯ) учебных материалах, представляется актуальным прояснить ряд моментов относительно истории появления и развития понятия «дополнительный элемент» (补语 *bǔyǔ*) в китайской науке о языке. Кроме того, первостепенное значение имеет поиск путей преодоления той терминологической неупорядоченности, которая наблюдается в отечественных описаниях КЯ.

История появления и развития понятия *буюй*¹ в китайской лингвистике

В китайскую лингвистику понятие 补语 *bǔyǔ* ‘дополняющий/дополнительный элемент/член’ изначально пришло из западных грамматик на заре становления грамматической науки в Китае, и сегодня буюй входит в систему ЧП, общепринятую в китайской науке и лингводидактике. Дефиниция этого понятия, довольно обобщенная по формулировке, была дана еще в середине XX века:

Буюй — это дополняющий или поясняющий член предложения, который стоит после глагола или прилагательного [2, с. 11].

При этом если проследить эволюцию грамматической теории в Китае, легко заметить, что за столетнюю историю существования этого термина его содержание претерпело столь значительные метаморфозы, что в нынешней трактовке по факту мало что осталось от исходного понимания когда-то заимствованного термина.

Первое упоминание 补足语 *bǔzúyǔ* встречается в «Новой грамматике китайского языка» Ли Цзиньси (黎锦熙) [3]. Во многом следуя традиции, заложенной Дж. К. Несфилдом в [4], на которую ориентировался при описании грамматического строя родного языка китайский лингвист, Ли Цзиньси пишет о 补足语 *bǔzúyǔ* как об одном из «связанных элементов (членов) предложения» (连带的成分 *liándài de chéngfèn*), трактуя его аналогично функции *complement* в грамматике английского языка. Вместе с дополнением 补足语 *bǔzúyǔ* относится к связанным элементам (членам) предложения, присоединяемым к сказуемому, однако природа у них разная [3, с. 30].

¹ Для удобства изложения материала и минимизации терминологической путаницы до прояснения и размежевания терминологических дуплетов мы пока будем пользоваться русскоязычной транскрипцией китаеязычного термина — *буюй*. Анализ терминологических соответствий см. ниже.

В зависимости от особенностей глагола в сказуемом Ли Цзиньси выделяет в КЯ пять типов 补足语 *bǔzúyǔ*, два из которых (присвязочный и с непереходным глаголом) представляют собой пояснения к подлежащему, а три других (с переходными глаголами) добавляют нечто новое о дополнении.

1. **Присвязочный тип**²: 工人是劳动者。 *Gōngrén shì láodòngzhě* ‘Рабочий — (это) трудящийся’.

2. **Тип с непереходным глаголом**: 工人都显出愉快的样子。 *Gōngrénmen dōu xiǎnchū yúkuài de yàngzi* ‘У всех рабочих радостный вид’.

3. **Императивный тип**: 主人让客坐。 *Zhǔrén ràng kè zuò* ‘Хозяин пригласил гостей сесть’.

4. **Каузативный тип**: 我们认工人是生产者。 *Wǒmen rèn gōngrén shì shēngchǎnzhě* ‘Мы признаём рабочих производителями’.

5. **Эмотивно-оценочный тип**: 我爱他们诚实。 *Wǒ ài tāmen chéngshí* ‘Мне нравится их честность’ [3, с. 27–29].

Люй Шусян (吕叔湘) в [5] использовал термин 补词 *bǔcí* ‘дополняющее слово’ в соответствии с вводимой им системой позиционных слов (起词 *qǐcí* ‘исходное слово’; 止词 *zhǐcí* ‘конечное слово’), отмечая, что «центром предложения является глагол, любые элементы, поясняющие источник действия, его окончание и все связанные с его реализацией аспекты, дополняют этот глагол, раскрывая смысл предложения. Такие элементы называются дополняющими словами» [5, с. 53]. Ван Ли (王力) в [6] различает 次品补语 *cìpǐn bǔyǔ* ‘дополнительный элемент второго ранга’ и 末品补语 *mòpǐn bǔyǔ* ‘дополнительный элемент третьего ранга’ [6, с. 107], но, поскольку теория рангов в китайской лингвистике не прижилась, мы не будем останавливаться на ней подробно.

В 1950-х гг. в китайской науке происходит смешение двух терминов, и 补语 *bǔyǔ* начинает постепенно вытеснять исходный вариант 补足语 *bǔzúyǔ*. Начало этому процессу положил Чжао Юаньжэнь (赵元任), который в своем англоязычном учебнике *Mandarin Primer. An Intensive Course in Spoken Chinese* [7] (в исходной версии известный в Китае как 国语入门 *Guóyǔ rùmén*) трактует *complement* предельно широко, включая в это понятие и минимально возможное суффиксальное оформление глагола (了 *-le*), и *directional complements* (буйой направления), и *potential complements* (буйой возможности) [7, р. 43–44].

Этот изданный в США учебник получил широкую известность в Китае благодаря усилиям ученика автора — Ли Жуна (李荣), взявшегося за его перевод на КЯ, который вышел в 1952 г. [8]. И хотя в китаеязычной версии книги Ли Жун использовал термин 补足语 *bǔzúyǔ*, именно с момента выхода этой грамматики его содержание в китайской науке стало пониматься преимущественно расширительно, в том значении, в котором он фигурирует в [7].

Окончательная замена термина 补足语 *bǔzúyǔ* на 补语 *bǔyǔ* произошла в [2]. Аналогичный подход был воспринят Чжан Чжигуном (张志公), в то время возглавлявшим рабочую группу по разработке «Временной грамматической системы китайского языка для целей преподавания» (暂拟汉语语法教学系统), на базе которой был написан ключевой для системы общего образования КНР учебник родного языка и через которую широкая трактовка буйой прочно вошла в число

² Для удобства исходные примеры китайских лингвистов мы снабдили транскрипцией пиньинь и переводом на русский язык. Орфография в примерах сохранена авторская.

базовых и устойчивых понятий синтаксиса, используемых в процессе преподавания КЯ. Буюй закрепил за собой статус элемента, стоящего после глагола или прилагательного и указывающего на результат, длительность действия, его характер, степень и т. д.

Этой тенденции широкой трактовки соответствующего понятия (но не терминологии) последовали Люй Шусян и Чжу Дэси (朱德熙), у которых в [9] этот элемент называется 动词后面的附加语 *dòngcí hòutián de fùjiāyǔ* ‘постглагольный добавочный элемент’, с уточнением, что к глаголу он «может присоединяться с 得 *de*, может и без него. По выражаемому им значению все, что добавляется в позиции после глагола, называет результат действия, что особенно очевидно в случае наличия 得 *de*» [9, с. 17]. Анализируя сочетаемость глагола с постглагольным добавочным элементом и рассуждая о разной степени спаянности между этими единицами, лингвисты выделили различные типы постглагольного добавочного элемента в зависимости от того, чем он выражен: суффиксом (词尾 *cíwěi*) 着 *-zhe* или 了 *-le*; элементами промежуточной природы, отделимыми от глагола: 来 *lái* ‘прийти’, 上 *shàng* ‘подняться’, 起 *qǐ* ‘подняться’, 住 *zhù* ‘закреплять’, 下去 *xiàqù* ‘спуститься’, 起来 *qǐlái* ‘подняться’; и обычными односложными глаголами или прилагательными, которые примыкают к впереди стоящему глаголу настолько тесно, что между ними возможна вставка только 得 *de* или 不 *bu*, поэтому чаще воспринимаются как одно слово: 赶走 *gǎnzǒu* ‘прогнать’, 放大 *fàngdà* ‘увеличить’, 收紧 *shōujǐn* ‘сжать’, 刷白 *shuàbái* ‘побелить’. Как отмечается, на контрасте при наличии двусложной структуры одного из элементов они очевидно осознаются как разделяемые, следовательно, не могут трактоваться как одно слово: 洗干净 *xǐ gānjìng* ‘отмыть’, 驱逐走 *qūzhú zǒu* ‘прогнать’, 说明白 *shuō míngbái* ‘объяснить’, 收束紧 *shōushù jǐn* ‘затянуть’.

Из работ, имевших определенное влияние на исследуемые нами сдвиги в представлениях лингвистов о буюй, также следует назвать еще одну грамматику Чжао Юаньжэня — *A Grammar of Spoken Chinese* [10], в которой автор предлагает выделять свободные и связанные complements и продолжает рассуждать о критериях размежевания постпредикативных ЧП — complements и objects. Отмечая необходимость их дифференциации, Чжао Юаньжэнь тем не менее приводит ряд контекстов, в которых эти две функции могут смешиваться, и предлагает считать дополнением (а не буюй, как у Ли Цзиньси) следующие элементы после глаголов-связок: 那是我。 *Nà shì wǒ* ‘То был я’; 他像我。 *Tā xiàng wǒ* ‘Он похож на меня’; 娶她为妻。 *Qǔ tā wèi qī* ‘взять ее в жены’; 举他当会长。 *Jǔ tā dāng huìzhǎng* ‘выбрать его председателем’ [10, p. 351; 11, с. 177].

Тем самым китайская наука окончательно отошла от того понимания синтаксической функции 补足语 *bǔzúyǔ*, которое в свое время вкладывал в этот термин Ли Цзиньси.

Помимо терминологической неустойчивости буюй, жаркие споры, естественно, вызывал и ряд других вопросов, в частности критерии разграничения буюй, дополнения (宾语 *bīnyǔ*) и обстоятельства (状语 *zhuàngyǔ*), набор языковых единиц, способных выполнять функцию буюй в предложении, и их диахронический анализ. Эта дискуссия отражена в многочисленных статьях того периода, аргументация сторон многообразна и заслуживает отдельного обсуждения, однако в рамках настоящей статьи мы ограничимся лишь ключевыми работами по проблеме.

От определения к классификации

После закрепления буюй в грамматических описаниях КЯ в 1950-х гг. в дальнейшем его изучение вышло на новый виток, сдвинув фокус научного интереса с проблемы статуса к вопросу о классификации буюй и его размежевании с дополнением и обстоятельством. Бросавшаяся с самого начала в глаза исследователей гетерогенность единиц, которым в предложении приписывалась синтаксическая роль поясняющего или дополняющего предикативную семантику члена, не могла не привести к расхождениям в классификации буюй. В качестве основания чаще всего брался семантический признак — то значение, которое на сентенциальном уровне дополнительно привносит или поясняет соответствующий элемент.

Чжу Дэси (朱德熙) в своих «Лекциях по грамматике» [12] по ключевому тогда для грамматики КЯ вопросу разграничения буюй и дополнения отмечает, что оба ЧП занимают позицию после глагола, при этом дополнение — это член, который может быть как предметным, так и предикативным по своей природе, тогда как буюй — это всегда элемент с предикативными свойствами. С концептуальной точки зрения функция дополнения состоит в назывании вещей и явлений, связанных с действием (прямого или косвенного объекта, инструмента и т. п.), функция же буюй заключается в пояснении результата действия или достигнутого состояния [12, с. 125].

По формальному признаку (наличию или отсутствию 得 *de* перед буюй) лингвист выделяет два типа предикативно-результативных конструкций (述补结构 *shùbǔ jiégòu*³):

— конструкции спаянного типа (粘合式述补结构 *niánhé shì shùbǔ jiégòu*), которые непосредственно примыкают к предикату: 抓紧 *zhuājǐn* ‘крепко взяться за’, 写完 *xiěwán* ‘дописать’, 走回去 *zǒu huíqù* ‘пойти обратно’;

— конструкции составного типа (组合式述补结构 *zǔhé shì shùbǔ jiégòu*), которые содержат в своей структуре 得 *de*: 走得快 *zǒude kuài* ‘идти быстро’, 写得很清楚 *xiěde hěn qīngchǔ* ‘написать четко’, 看得见 *kàn de jiàn* ‘видеть, видно’, 听得出来 *tīng de chūlái* ‘смочь расслышать, слышно’, а также отрицательные формы с 不 *bu* (вместо 得 *de*): 看不见 *kàn bù jiàn* ‘не смочь увидеть, не видно’; 听不出来 *tīng bù chūlái* ‘не смочь расслышать, не слышно’.

В рамках составного типа конструкций с буюй лингвист выделяет два подтипа: с семантикой возможности (可能 *kěnéng*) и с семантикой состояния (状态 *zhuàngtài*). Обсуждая состав и структуру этих подтипов, Чжу Дэси говорит о разной природе 得 *de* в них. В конструкции возможности представлено служебное слово — частица 得 *de*, занимающая интерпозицию между сказуемым и буюй и не относящаяся ни к тому, ни к другому ЧП. Поэтому сегментация будет выглядеть так: 看/得/见 *kàn/de/jiàn* ‘смочь увидеть, видно’ и 听/得/出来 *tīng/de/chūlái* ‘смочь расслышать, слышно’. Тогда как в конструкции, описывающей состояние, 得 *de* — это глагольный суффикс, неотделимый от соответствующей глагольной морфемы,

³ Перевод данного термина как «предикативно-результативная конструкция» нельзя считать удачным, поскольку компонент 补 *bǔ* охватывает не только элементы, называющие результат, но и элементы иной семантики, однако в силу распространенности в отечественной синологической литературе именно этого варианта в данном разделе мы последуем общепринятой версии перевода.

поэтому членение будет выглядеть так: 看得/多 *kànde/duō* ‘насмотреться’, 长得/漂亮 *zhǎngde/piàoliang* ‘быть красивой’ [12, с. 126].

Среди конструкций спаянного типа выделяются конструкции с буюй результата (结果补语 *jiéguǒ bǔyǔ*), в роли которого могут выступать прилагательные (长大 *zhǎngdà* ‘вырастать’; 拧紧 *níngjǐn* ‘затянуть туго’; 走远 *zǒuyuǎn* ‘уйти далеко’) и глаголы (看见 *kànjiàn* ‘увидеть’; 听懂 *tīngdǒng* ‘понять (на слух)’; 拿走 *náizǒu* ‘унести’; 杀死 *shāsi* ‘убить’). Единицы этого типа выступают как один ЧП, приравниваются к глаголу и могут оформляться глагольными суффиксами 了 *-le* и 过 *-guo*: 学会了开车 *xuéhuìle kāi chē* ‘научился водить машину’; 看见过鲨鱼 *kànjiànguò shāyú* ‘когда-то видел акулу’.

Эта способность иметь морфологическое оформление объединяет конструкции этого типа со сложными глаголами предикативно-результативной модели (述补式复合词 *shùbǔ shì fùhécí*), к которым относятся: 革新 *géxīn* ‘обновить’; 改良 *gǎiliáng* ‘улучшить’; 扩大 *kuòdà* ‘расширить’; 记得 *jìde* ‘запомнить’ и др.

Различие же между двумя типами единиц — спаянной конструкцией с буюй результата и сложными глаголами предикативно-результативной модели — состоит в способности первых и неспособности вторых развертываться за счет вставки 得 *de* и 不 *bù*:

长大 *zhǎngdà* ‘вырасти’, 长得大 *zhǎng de dà* ‘вырасти’ ~ 长不大 *zhǎng bù dà* ‘не вырасти’;

扩大 *kuòdà* ‘расширить’, *扩得大 *kuò de dà* ~ *扩不大 *kuò bù dà* [12, с. 126].

К конструкциям спаянного типа Чжу Дэси относит:

— конструкции с буюй направления (趋向补语 *qūxiàng bǔyǔ*): 进来 *jìnlái* ‘войти’; 跑出去 *pǎo chūqù* ‘выбежать’;

— конструкции с буюй степени (程度补 *chéngdù bǔyǔ*): 好极了 *hǎo jíle* ‘чрезвычайно хороший’; 暖和多了 *niǎnhuo duōle* ‘намного теплее’;

— конструкции с 到 *dào* с четырьмя вариантами заполнения постпозиции:

а) дополнение со значением места (带出所宾语 *dài chūsuǒ bīnyǔ*) (с возможностью его опущения): 走到邮局 *zǒu dào yóujú* ‘дойти до почты’; 走到了邮局 *zǒu dào le yóujú* ‘дошел до почты’; с опущением: ~ 走到了 *zǒu dào le* ‘дошел’; ~ 没走到 *méi zǒu dào* ‘не дошел’;

б) дополнение со значением времени (带时间宾语 *dài shíjiān bīnyǔ*) (без возможности его опущения): 谈到半夜 *tán dào bàn yè* ‘болтать до полуночи’;

в) обычное дополнение (带一般宾语 *dài yībān bīnyǔ*): 听到一个消息 *tīng dào yī gè xiāoxi* ‘услышать новость’;

г) дополнение предикативного типа (带谓词性宾语 *dài wèicíxìng bīnyǔ*): 谈到天亮 *tán dào tiān liàng* ‘проболтать до рассвета’.

Кроме того, отмечает Чжу Дэси, эта конструкция может также выражать степень, при этом замена 到 *dào* на глагольный суффикс 得 *de* приведет к смене типа на буюй состояния:

糊涂到连自己的名字也忘了 *hútú dào lián zìjǐ de míngzì yě wàngle*
‘запутался до того, что даже имя свое забыл’

糊涂得连自己的名字也忘了 *hútú de lián zìjǐ de míngzì yě wàngle*
‘запутался так, что даже имя свое забыл’ [12, с. 130–132].

В концепции Хуан Божуна (黄伯荣) и Ляо Сюйдун (廖序东), впервые выдвинутой в 1978 г., функцию буюй в предложении могут выполнять предикативы, предикативные группы и предложные группы, поясняющие результат, направление, количество, время, место действия или степень признака, обозначенного ядерным элементом (中心语 *zhōngxīnyǔ*) в препозиции [13, с. 377]. Между ядром и буюй может ставиться служебное слово 得 *de*. Авторы выделяют традиционные для китайской лингвистики шесть семантических типов буюй (результата, степени, направления, количества (кратность и длительность действий), времени/места, возможности) [13, с. 371–373]. Как структурные варианты буюй Хуан Божун и Ляо Сюйдун отмечают также возможность употребления в них 个 *ge* и 得个 *de ge*, иллюстрируя примерами: 雨下个不停 *yǔ xià gè bù tíng* ‘Дождь лил без остановки’; 喝个痛快 *hē gè tòngkuài* ‘напиться на радостях’; 打了个稀巴烂 *dǎle gè xībālan* ‘стукнуть со всей дури’; 闹得个不亦乐乎 *nào de gè bù yìlèhū* ‘разругаться вконец’ [13, с. 374].

Для разграничения буюй и других ЧП Хуан Божун и Ляо Сюйдун выдвигают следующие критерии. Прежде всего, имеет значение частеречная принадлежность слов. Если ЧП выражен предметным словом, обычно это дополнение; если словом с предикативной природой, ЧП может оказаться как дополнением, так и буюй. Во-вторых, следует проверить возможность преобразования предложения в конструкцию с 把 *bǎ*, только дополнение допускает подобную синтаксическую трансформацию:

他浪费了两个钟头。 *Tā làngfèile liǎng gè zhōngtóu* ‘Он впустую потратил два часа’ ⇒ 他把两个钟头浪费了。 *Tā bǎ liǎng gè zhōngtóu làngfèile* ‘Он впустую потратил два часа’ (дополнение).

他干了两个钟头。 *Tā gànle liǎng gè zhōngtóu* ‘Он проработал два часа’ ⇒ *他把两个钟头干了。 **Tā bǎ liǎng gè zhōngtóu gànle* *‘Он проработал два часа’ (буюй).

Третий диагностический контекст — это наличие служебного слова 得 *de*, маркирующего буюй в предложении, однако имеется ряд глаголов, у которых 得 *de* входит в словообразовательную структуру слова, и тогда ЧП, стоящий после них, будет дополнением: 获得丰收 *huòde fēngshōu* ‘собрать хороший урожай’; 觉得好看 *juéde hǎokàn* ‘кажется красивым’.

Как одну из возможных подсказок авторы рассматривают природу счетного слова, стоящего после глагола в составе количественной группы; для дополнений типично употребление именных счетных слов, для буюй — глагольных: 好书可多买几本。 *Hǎo shū kě duō mǎi jǐ běn* ‘Хороших книг купи побольше’; 好书可多看<几遍>。 *Hǎo shū kě duō kàn <jǐ biàn >* ‘Хорошую книгу прочитай несколько раз’ [13, с. 374–375].

Рассуждая о различиях между обстоятельством и буюй, авторы отмечают следующие моменты. Некоторые единицы КЯ могут выполнять в предложении обе функции (и функцию буюй, и обстоятельственную), однако семантика при этом будет разной:

- (1) 我拉了他<一把>。 *Wǒ lāle tā <yī bǎ >* ‘Я потянул его <за руку разок>’ (буюй);
- (2) 我<一把>拉住了他。 *Wǒ <yī bǎ > lā zhùle tā* ‘Я <рукой> остановил его’ (обстоятельство).

Количественная группа 一把 *yī bǎ* в (1) — это буюй, называющий количество произведенного действия, в (2) она описывает образ действия.

Наречия степени в этих функциях также оказываются неидентичны, при сравнении становится очевидна бóльшая степень проявления признака при использовании постпозиции 很 *hěn* к прилагательному, как в буюй:

- (3) 这本书很好。 *Zhè běn shū hěn hǎo* ‘Эта книга хорошая’;
(4) 这本书好得很。 *Zhè běn shū hǎo dé hěn* ‘Эта книга очень хороша’.

Предложная группа, по мнению Хуан Божуна и Ляо Сюйдуна, указывает место, но в 到操场上跑 *dào cāochǎngshàng pǎo* ‘бежать к спортивной площадке’ при обстоятельном употреблении речь идет о том месте, где начинается или совершается действие, тогда как в постпозиции это отсылка к месту его окончания или прекращения: 跑到操场上 *pǎo dào cāochǎngshàng* ‘добежать до спортивной площадки’ [13, с. 375–376].

Аналогичный подход представлен в [14]. В вопросе размежевания ЧП авторы «Практической грамматики современного китайского языка» подчеркивают, что дополнение чаще всего выражается существительным, называющим затрагиваемый действием объект; буюй же выражается в основном словами неименной природы, поясняющими действие. Классификация строится авторами одновременно на семантическом и формальном критериях и включает пять типов буюй, выделяемых и другими исследователями: результата, направления, возможности, степени, количества, а также отсутствующий в иных работах буюй, выраженный предложной группой (介词短语补语 *jiècí duǎnyǔ bǔyǔ*).

В конце 1980-х гг. итоги четырех десятилетий исследования буюй в КНР подвела коллективная монография [15], в которую вошли более 70 научных статей по различным аспектам данного явления в КЯ. Особое место в ней занимает предисловие [16], в котором Лу Цзяньмин (陆俭明) дает обобщающую классификацию буюй и обозначает болевые точки имеющейся шестичастной теории ЧП в КЯ. Лингвист рассматривает буюй как конструкцию сжатой природы (缩略性质的结构 *suōlüè xìngzhì de jiégòu*), сложность которой проявляется прежде всего во многообразии ее форм. По формальному критерию он выделяет три структурных типа конструкций с буюй и дробит их далее по семантическому основанию на девять классов, которые можно представить следующим образом.

Класс А. Конструкции с буюй результата: 洗干净 *xǐ gānjìng* ‘отмыть’; 看完 *kàn wán* ‘дочитать’.

Класс В. Конструкции с буюй направления: 拿来 *ná lái* ‘принести’; 走进来 *zǒu jìnlái* ‘войти’; 放下来 *fàng xiàlái* ‘положить’.

Класс С. Конструкции с буюй степени: 好极了 *hǎo jíle* ‘чрезвычайно хороший’; 坏透了 *huài tòule* ‘очень плохой’.

Класс D. Конструкции с буюй возможности (присоединяются с помощью 得 *de*): 洗得干净 *xǐ de gānjìng* ‘смочь отстирать’; 看得懂 *kàn de dǒng* ‘смочь понять’; 洗不干净 *xǐ bù gānjìng* ‘не смочь отстирать’.

Класс E. Конструкции с буюй состояния (присоединяются с помощью 得 *de*)⁴: 跑得太累了 *pǎo de tài lèile* ‘убегался до усталости’; 打得他胳膊都疼了 *dǎ de tā gēbei dōu téngle* ‘ударил так, что рука разболелась’.

Класс F. Конструкции с буюй степени (присоединяются с помощью 得 *de*): 好得很 *hǎo de hěn* ‘очень хорошо’; 高兴得不得了 *gāoxìng de bùdéliào* ‘чрезвычайно рад’.

⁴ В [17] этот тип буюй назван 情态补语 *qíngtài bǔyǔ* ‘буюй модальности’.

Класс G. Перед буюй стоит счетное слово 个 *ge*: 吃个精光 *chī gè jīngguāng* ‘доесть до последней крошки’; 围了个水泄不通 *wéile gè shuǐ xiè bù tōng* ‘окружил плотным кольцом’.

Класс H. Буюй выражен предложной группой: 走到天安门 *zǒu dào Tiānānmén* ‘дойти до Тяньаньмэнь’; 写在黑板上 *xiě zài hēibǎn shang* ‘написать на доске’; 奔向21世纪 *bēn xiàng 21 shìjì* ‘стремиться в XXI век’.

Класс I. Буюй выражен количественной группой: 看(过)两次 *kàn (guò) liǎng cì* ‘видел два раза’; 等一下 *děng yíxià* ‘подождать немного’; 住(了)五年 *zhù (le) wǔ nián* ‘жил пять лет’ [16, с. 13–15].

В дискуссионной части Лу Цзяньмин затрагивает целый ряд проблем в трактовке буюй в китайской науке, в целом актуальных до сих пор. Класс G, рассматриваемый как предикативно-результативная конструкция, в [2] трактуется как “带‘个’的补语” ‘буюй с ‘个’, в концепции Чжу Дэси он относится к предикативно-объектным конструкциям и определяется как «дополнение результата» (程度宾语 *chéngdù bīnyǔ*) [12, с. 121]. Действительно, Чжу Дэси выделяет три вида дополнений результата:

— 个 *gè* + прилагательное: 说个明白 *shuō gè míngbái* ‘четко рассказать’; 玩个痛快 *wán gè tòngkuài* ‘весело провести время’;

— 个 *gè* + 不停 *bù tíng* (不了 *bù liǎo*, 不休 *bù xiū*, 没完 *méi wán*) ‘без конца, без остановки’: 笑个不停 *xiào gè bù tíng* ‘смеяться без конца’; 说了个没完 *shuōle gè méi wán* ‘говорить без умолку’;

— 个 *gè* + идиома: 打了个落花流水 *dǎle gè luòhuā liúshuǐ* ‘разбили в пух и прах’; 说个一清二楚 *shuō gè yī qīng èr chǔ* ‘четко проговорить’ [12, с. 121–122].

Относительно этого типа конструкций лингвист делает три оговорки. Во-первых, при добавлении после глагола нереферентного (虚指 *xūzhǐ*) в данном контексте местоимения 他 *tā* образуется конструкция с двумя дополнениями: 玩他个痛快 *wán tā gè tòngkuài* ‘весело провести время’; 打他个落花流水 *dǎ tā gè luòhuā liúshuǐ* ‘разбить в пух и прах’.

Во-вторых, при соединении предикативно-результативной конструкции 跑得快 *pǎo de kuài* ‘быстро бежать’ и предикативно-объектной конструкции 跑个快 *pǎo gè kuài* ‘быстро пробежать’ образуется гибридная конструкция 跑得个快 *pǎo de gè kuài* ‘быстро пробежать’, трактовка которой может быть, соответственно, тоже двоякой.

В-третьих, в КЯ обнаруживается несколько схожих по форме конструкций, не связанных с выражением степени: 图个方便 *tú gè fāngbiàn* ‘думать об удобстве’. Чжу Дэси отмечает, что здесь допустима замена 个 *gè* на указательную группу 那个 *nà gè*, принципиально невозможная для конструкций с дополнением степени, следовательно, это разные синтаксические структуры [12, с. 122].

Класс H, в [17] определяемый как 介词短语补语 *jiècí duǎnyǔ bǔyǔ* ‘буюй, выраженный предложной группой’, в концепции Хуан Божуна и Ляо Сюйдун в [13] рассматривается как предикативно-результативная конструкция и назван «буюй времени, места» (时间、处所补语 *shíjiān, chùsuǒ bǔyǔ*), тогда как Чжу Дэси относит его к предикативно-объектным конструкциям, выделяя как отдельные подтипы «дополнение места» (时间宾语 *shíjiān bīnyǔ*) и «дополнение времени» (处所宾语 *chùsuǒ bīnyǔ*). Дополнение места лингвист понимает в двух вариантах — широко и узко — и приводит в качестве иллюстрации следующие примеры:

(5) 我惦记着家里。Wǒ diànjìzhe jiālǐ ‘Я скучаю по дому’.

(6) 我坐在家里。Wǒ zuò zài jiālǐ ‘Я сижу дома’.

Компонент 家里 *jiālǐ* ‘дома’ в них имеет различную природу, в (6) указывая на местонахождение говорящего, тогда как в (5) речь идет о прямом объекте, по свойствам аналогичном объекту в (7):

(7) 我惦记着孩子。Wǒ diànjìzhe háizi ‘Я скучаю по детям’.

Это обуславливает необходимость разграничения широкого и узкого понимания дополнения места. Для последнего типична реализация с помощью слов или групп со значением места, стоящих после глагола и указывающих на направление движения или местонахождение. Среди типичных, в целом не очень многочисленных глаголов, способных принимать такое дополнение места, кроме глаголов направленного движения 来 *lái* ‘прийти’, 进 *jìn* ‘входить’, 下 *xià* ‘спускаться’ и др., Чжу Дэси называет также глаголы способа перемещения типа 飞 *fēi* ‘лететь’ и глаголы местонахождения 在 *zài* ‘находиться’ и 到 *dào* ‘добраться’.

Как отмечает лингвист, для многих глаголов нетипична сочетаемость с дополнением места, однако такая способность обнаруживается при оформлении этих глаголов в предикативно-результативную конструкцию с глаголами направленного движения и глаголами 在 *zài* ‘находиться’, 到 *dào* ‘добраться’ и т.п.: 走进教室 *zǒu jìn jiàoshì* ‘войти в аудиторию’; 拿到展览会上 *ná dào zhǎnlǎnhuìshàng* ‘отнести на выставку’; 留在家里 *liú zài jiālǐ* ‘остаться дома’.

Подобные употребления 在 *zài* ‘находиться’ и 到 *dào* ‘добраться’ Чжу Дэси трактует как стоящие в позиции буюй «редуцированные формы • de» (弱化形式 *ruòhuà xíngshì*), которые чаще встречаются в разговорном языке, а в пекинском диалекте исчезает даже это • de, в результате чего сразу после глагола оказывается дополнение места в узком смысле этого термина. Подобные контексты употребления лингвист иллюстрирует примерами: 坐椅子上 *zuò yǐzishàng* ‘сидеть на стуле’; 把它挂墙上 *bǎ tā guà qiánghàng* ‘повесить его на стену’ [12, с. 114].

Аналогичная ситуация, по мнению Чжу Дэси, имеет место и с дополнениями времени.

Чжао Юаньжэнь трактует этот тип единиц как «дополнение времени и места» (时地宾语 *shí dì bīnyǔ*) [11, с. 177].

Класс I в концепции Хуан Божуна и Ляо Сюйдуна, отраженной в [13], а также у Ху Юйшу в [18] рассматривается как буюй количества (数量补语 *shùliàng bǔyǔ*) в составе предикативно-результативной конструкции, тогда как в [12] для подобного рода контекстов вводится понятие 准宾语 *zhǔnbīnyǔ* ‘квазидополнение’ в составе предикативно-объектной конструкции. Целесообразность введения подобной функции Чжу Дэси аргументирует существованием в КЯ трех типов постпредикативных контекстов с семантикой количества, а именно: 动量宾语 *dòngliàng bīnyǔ* ‘дополнение количества действия (выраженное глагольным счетным словом)’, 时量宾语 *shíliàng bīnyǔ* ‘дополнение времени действия (выраженное темпоральной группой)’ и 数量宾语 *shùliàng bīnyǔ* ‘количественное дополнение (выраженное счетным комплексом)’.

Квазидополнение, представленное как «дополнение количества», выражается присоединением к глаголу количественной группы, в составе которой, кроме чис-

лительного (у Чжу Дэси приведены примеры преимущественно с — *yī* ‘один’, но могут встречаться и другие числительные), имеется также счетное слово. В зависимости от природы единицы, выступающей квантификатором, лингвист выделяет четыре подтипа конструкций:

а) с глагольным счетным словом: 看一次 *kàn yī cì* ‘посмотреть раз’, 念一遍 *niàn yī biàn* ‘прочитать раз’;

б) с существительным необъектного типа: 踢一脚 *tī yī jiǎo* ‘пнуть один раз (ногой)’, 切一刀 *qiē yī dāo* ‘разрезать одним движением (ножа)’, 洗一水 *xǐ yī shuǐ* ‘помыться разок’;

в) с удвоением глагола как квантификатора: 看一看 *kàn yī kàn* ‘взглянуть (разок)’, 想一想 *xiǎng yī xiǎng* ‘подумать’;

г) с существительным объектного типа: 放一枪 *fàng yī qiāng* ‘выстрелить (из оружия)’, 睡一觉 *shuì yī jiào* ‘поспать (раз)’, 打一仗 *dǎ yī zhàng* ‘провести бой’.

Дополнение времени выражается словами или именными группами с семантикой длительности: 等一会儿 *děng yíhuǐr* ‘ подождать’, 劳动一年 *láodòng yī nián* ‘трудиться (один) год’, 住一个月 *zhù yī gè yuè* ‘жить месяц’.

Количественное дополнение ставится после сказуемого, выраженного прилагательным, и представлено тремя подтипами:

а) с указанием точного количества: 长了三尺 *cháng le sān chǐ* ‘длиннее на три чи’, 好一百倍 *hǎo yībǎi bèi* ‘лучше в сто раз’;

б) с указанием примерного количества с числительным 一 *yī*: 轻一点儿 *qīng yídiǎnr* ‘чуть легче’, 好一些 *hǎo yíxiē* ‘получше’;

в) с указанием примерного количества: 长了很多 *cháng le hěn duō* ‘намного длиннее’, 少了不少 *shǎo le bù shǎo* ‘значительно меньше’.

Для иллюстрации различий между настоящим дополнением и квазидополнением предлагается сравнить изоморфные синтаксические структуры с глаголом и прилагательным соответственно: 买了三尺 *mǎi le sān chǐ* ‘купил три чи’ и 长了三尺 *cháng le sān chǐ* ‘длиннее на три чи’. Только первая конструкция с глаголом допускает постановку существительного после счетного комплекса: 买了三尺布 *mǎi le sān chǐ bù* ‘купил три чи ткани’, что подтверждает статус настоящего дополнения у三尺 *sān chǐ* ‘три чи’ [12, с. 116].

Схожий подход представлен у Чжао Юаньжэня, который объединяет эти три типа постпредикативных элементов в особый тип дополнений, названный им 自身宾语 *zìshēn bīnyǔ* ‘самодостаточное дополнение’ [11, с. 159].

В [19] буюй фигурирует как линейно противопоставленный обстоятельству относительно глагола в сказуемом постпозитивный ЧП. Классификация как таковая не дается, однако есть комментарий (в примерах ниже дан в скобках) относительно семантики соответствующих элементов:

- (8) 这孩子现在长得挺高了。 *Zhè hái zǐ xiànzài zhǎng de tǐng gāo le* ‘Этот ребенок очень высокий’ (поясняет ситуацию в целом);
- (9) 我们跑得都喘不上气来了。 *Wǒmen pǎo de dōu chuǎn bù shàng qì lái le* ‘Мы так бежали, что дыхание у всех сбилось’ (поясняет степень);
- (10) 天气冷得连我都穿上皮袄了。 *Tiānqì lěng de lián wǒ dū chuānshàng píǎo le* ‘Так холодно, что я даже шубу надел’ (поясняет степень);
- (11) 他今天把屋里收拾得又整齐又干净。 *Tā jīntiān bǎ wūli shōushí de yòu zhěngqí yòu*

gānjīng ‘Он сегодня прибрался в комнате аккуратно и чисто’ (поясняет результат);

(12) 他一句话说得大家都乐了。 *Tā yī jù huà shuō de dàjiā dōu lè le* ‘Одна его фраза всех развеселила’ (поясняет результат) [19, с. 30–31].

Количественные характеристики действия (кратность, длительность) выражает дополнение количества. В целом в [19] наблюдается непоследовательность в приложении разных классификационных оснований, когда схемы построения предложений в КЯ описываются одновременно в терминах ЧП, классов слов (частей речи) и детализации их семантики, например, используются формулировки «слова со значением времени» и т. п.

У Син Фуи (刑福义) в [20], в отличие от других авторов, 带补心语 *dài bǔ xīn yǔ* ‘комплементарная группа’ включает «комплемент оценки» (评判补语 *píngpàn bǔyǔ*): 睡得很早 *shuì de hěn zǎo* ‘лечь спать очень рано’; 扫得马虎 *sǎo de mǎhǔ* ‘подмести кое-как’; 走得太慢 *zǒu de tài màn* ‘идти слишком медленно’, и «комплемент связи» (关系补语 *guānxì bǔyǔ*), уточняющий объект, способ или прием действия и выраженный предложными конструкциями 于 X *yú X* ‘на/в X’, 以 X *yǐ X* ‘с помощью / посредством X’ и т. п.: 寄希望于青年 *jì xīwàng yú qīngnián* ‘возлагать надежды на молодежь’ [20, с. 152–162].

Описание всех представленных в китайской лингвистике многочисленных и разнообразных классификаций ЧП в целом и буюй в частности вполне могло бы составить содержание отдельной монографии, в рамках данной статьи мы ограничились рассмотрением важнейших из них и отсылкой к прочим работам и обсуждениям ([21–24] и др.).

Отсутствие единых оснований выделения ЧП и расхождения в трактовке пост-предикативных элементов в КЯ имели следствием неунифицированность терминологии в соответствующей области и разброс в подходах к классификации буюй и дополнений. Эта проблема была сформулирована в [25] так: «Под так называемым буюй часто понимают очень обширное и сложное по содержанию явление, потому что многие элементы, которые изначально нельзя было рассматривать как буюй, были “засунуты” в эту категорию под предлогом того, что они поясняют впереди стоящий глагол» [25, с. 49]. Ее решение среди китайских лингвистов, однако, виделось по-разному. В науке существуют полярные точки зрения на проблему. Ряд ученых выступает за упразднение такого ЧП, как дополнение. Так, еще в [26] Люй Шусян ратовал за отнесение всех элементов в позиции после сказуемого к буюй, схожая позиция представлена в [27]. По мнению Шэнь Цзясюаня, полная замена дополнения на буюй могла бы отразить общую закономерность, обнаруживаемую в этой сфере. Кроме того, первичная классификация позволит, например, выделить объектный буюй (对象补语 *duìxiàng bǔyǔ*), буюй результата (в широком смысле) (广义的结果补语 *guǎngyì de jiéguǒ bǔyǔ*), агентивный буюй (施事补语 *shīshì bǔyǔ*), буюй инструмента (工具补语 *gōngjù bǔyǔ*) и т. д. или по другому основанию разделить их на предметные (事物补语 *shìwù bǔyǔ*) и признаковые буюй (性状补语 *xìngzhuàng bǔyǔ*). Далее можно детализировать классификацию по семантическому основанию [27, с. 443]. Однако уже довольно скоро эта концепция претерпела значительные изменения, поскольку в [28] лингвист, исходя из концепции «включения в класс» (class-inclusion) Дж. Лайонза, изложенной в [29], стал трактовать буюй как особый подтип дополнения, называя его 动态结果宾语 *dòngtài jiéguǒ bīnyǔ* ‘дина-

мическое дополнение результата' [28, с. 11], что вряд ли можно счесть шагом к прояснению статуса буюй в системе.

Представители противоположного лагеря высказывают сомнения относительно состоятельности и самосогласованности концепции буюй в КЯ, поскольку соответствующее понятие было заимствовано из английских грамматик. Цзинь Лисинь в [23] рассуждает о неправомерном смещении китайской концепции буюй с понятием *complement*, фигурирующем в зарубежных исследованиях. Решение этой проблемы видится исследователю в отказе от понятия «буюй» и распределении тех элементов, которые не подпадают под понятие «дополнение», между 后置状语 *hòuzhì zhuàngǔyǔ* 'постпозитивными обстоятельствами' и так называемыми 次级谓语 *cìjī wèiyǔ* 'вторичными предикатами' (secondary predication).

Аргументы лингвиста можно обобщить на базе сравнения двух вариантов предложения:

(13) 李四写在黑板上。 *Lǐ Sì xiě zài hēibǎnshang* 'Ли Сы пишет на доске'.

(14) 李四在黑板上写。 *Lǐ Sì zài hēibǎnshang xiě* 'Ли Сы на доске пишет'.

Сопоставление элементов в (13) и (14) показывает, что, поскольку 在黑板上 *zài hēibǎnshang* 'на доске' в (14) по функциональному критерию выделения ЧП всеми китайскими лингвистами признается обстоятельством, обозначающим признак действия, вне зависимости от его позиции относительно сказуемого (до или после) природа самого элемента остается без изменений [23, с. 393–394]. Для определений и обстоятельств справедливо утверждение, что линейные перемещения не меняют их сущностные синтаксические свойства, подробнее см. [30]. Люй Шусян еще в [29] писал о необходимости введения понятия «постпозитивное обстоятельство» для ЧП, занимающих позицию после глагола (с 得 *de* или без него). Принципы непротиворечивости теории и логического тождества предписывают единообразно трактовать подобные элементы в предложении как постпозитивные обстоятельства.

Выделение вторичных предикатов опирается на идею одновременности двух ситуаций. Цзинь Лисинь приводит в пример 累 *lèi* 'устать', 趴下 *pāxià* 'падать ничком', следующие за первичным предикатом (主要谓词 *zhǔyào wèiyǔ* (primary predication) 干 *gàn* 'работать' в (15), (16), а также 很干净 *hěn gānjìng* 'чистый' и 很漂亮 *hěn piàoliang* 'красивый' после 得 *de* в (17) и (18) соответственно:

(15) 李四干得很累。 *Lǐ Sì gàn dé hěn lèi* 'Ли Сы от работы очень устал'.

(16) 李四干趴下了。 *Lǐ Sì gàn pāxià le* 'Ли Сы от работы валился с ног'.

(17) 他把衣服洗得很干净。 *Tā bǎ yīfú xǐ de hěn gānjìng* 'Он выстирал одежду дочиста'.

(18) 他字写得很漂亮。 *Tā zì xiě de hěn piàoliang* 'Иероглифы он пишет красиво'. [23, с. 392–393].

Концепция наличия двух предикаций в анализируемом типе синтаксических структур нередко встречается в работах китайских ученых. Так, кроме уже упомянувшегося предисловия Лу Цзяньмина [16], суть буюй разъясняется именно через сворачивание двух полноценных предикаций в одну в [31]:

(19) 我走累了。 *Wǒ zǒu lèi le* 'Я устал от ходьбы' ← 我走 *Wǒ zǒu* 'Я иду' + 我累了 *wǒ lèi le* 'Я устал' [31, с. 63–64].

Таким образом, приходится констатировать, что проблема буюй в китайской лингвистике удовлетворительного решения до сих пор так и не получила. Принято считать, что позицию после сказуемого может занимать дополнение или буюй, однако четких критериев их последовательного разграничения так и нет, как нет и последовательной классификации соответствующих ЧП. Так, в недавно вышедшей монографии [32] авторы описывают эту область синтаксиса КЯ, смешивая два критерия (структурный и семантический) в рамках одной классификации [32, с. 88]. Столь очевидное приложение сразу двух критериев при выделении типов буюй является следствием отсутствия общепризнанной и последовательной теории в китайской лингвистике.

Кроме того, имеет место регулярная подмена понятий при смене языка изложения материала, например, для перевода таких понятий генеративной грамматики, как *complement* и *complementizer*, используется термин 补语 *bǔyǔ*, и наоборот, для описания специфической китайской концепции используется англоязычный термин *complement*. Осознавая этот факт, китайские лингвисты сегодня сами высказываются за пересмотр существующей терминологии, преследуя цель минимизировать разночтения и упорядочить описание буюй в КЯ. Так, в [24] предлагалось для перевода лингвистического понятия *complement(ation)* использовать термин 补足语 *bǔzúyǔ*, отграничивая тем самым его от ныне существующей в китайской лингвистике довольно размытой концепции 补语 *bǔyǔ* и возвращаясь к тому пониманию, которое вкладывали в него ранние грамматисты Китая. Для адекватного перевода на английский язык соответствующего понятия грамматики КЯ предлагается использовать вариант *supplement* или фонетический вариант китайского термина *Вуиу* [24, с. 56].

Терминологические дуплеты в российской синологии⁵

В российской синологии терминология по понятным причинам также далека от унифицированной. Отечественные лингвисты середины ХХ в. практически не пользовались термином «буюй», описывая явления синтаксиса КЯ. Так, в [33] речь идет о двух основных типах дополнений — непредикативном и предикативном. Под непредикативным дополнением А. А. Драгунов понимал дополнение, выраженное существительным или местоимением: 看报 *kàn bào* ‘читаю газету’, 写信 *xiě xìn* ‘пишу письмо’, 吃肉 *chī ròu* ‘ем мясо’. Предикативный тип дополнений представлен дополнениями-числительными, дополнениями-прилагательными и дополнениями-глаголами. Для иллюстрации советский лингвист приводит следующие примеры:

— дополнения-числительные: 他念了四个月 *tā niànle sì gè yuè* ‘Он проучился четыре месяца’; 他走了半路 *Tā zǒule bàn lù* ‘Он прошел полдороги’;

— дополнения-прилагательные и дополнения-глаголы: 烧了个干净 *shāole gè gānjìng* ‘сжег догла’, 杀个死 *shā gè sǐ* ‘убил (насмерть)’, 听个明白 *tīng gè míngbái* ‘послушал и понял’ [33, с. 236–245].

⁵ По проблеме упорядочения терминологии вокруг буюй мы ограничимся комментариями относительно отечественных исследований в данной области, поскольку рассмотрение англоязычной традиции представления предикативно-результативных конструкций в китайском языке, столь же противоречивой и многоликой, могло бы составить предмет отдельной статьи.

Кроме того, А. А. Драгунов выделяет так называемое предложное дополнение, вводимое с помощью предлогов 在 *zài*, 到 *dào*, 给 *gěi* после глагола: 你把钱放在(到)柜里吧! *Nǐ bǎ qián fàng zài (dào) guǐ li ba* ‘положи деньги в ящик’; 你坐在(到)上头 *Nǐ zuò zài (dào) shàng tóu* ‘сядь сверху’; 赏给他了 *shǎng gěi tā le* ‘подарил ему’ (для предлога 给 *gěi* отмечается тенденция слияния его с глаголом в один сложный глагол) [33, с. 248–250].

С. Е. Яхонтов трактует дополнительный член как указывающий в самом широком смысле на признак, приобретаемый в результате действия лицом или предметом, выраженным подлежащим или дополнением, и описывает три типа конструкций в зависимости от его категориальной принадлежности⁶:

— дополнительный член выражен существительным и показывает, чем является, считается, кажется или становится субъект или объект действия в результате его совершения: 我兄弟三个...当了学徒。 *Wǒ xiōngdì sān gè... dāng le xuétú* ‘Мы, все три брата... поступили учениками’; 大家一直都叫他老宋。 *Dàjiā yìzhí dōu jiào tā Lǎo Sòng* ‘Все одинаково называли его Лао Сун’;

— дополнительный член выражен глаголом действия, относится только к дополнению (косвенному или реже прямому), обозначая действие, совершаемое объектом в результате воздействия на него самого со стороны: 这全是假洋鬼子可恶, 不准我造反。 *Zhè quán shì jiǎ yáng guǐzi kěwù, bù zhǔn wǒ zào fǎn* ‘Это все оттого, что проклятый «фальшивый заморский черт» не разрешил мне восстать!’;

— дополнительный член выражен прилагательным или, реже, глаголом, может сливаться с глаголом-сказуемым в единое слово: 你们都走累了吧? *Nǐmen dōu zǒu lèi le ba?* ‘Вы, наверное, устали идти?’ (досл. ‘шли так, что устали’) [34, с. 33–34].

Дополнительный член последнего из указанных типов С. Е. Яхонтов предложил трактовать как результативную морфему, или модификатор, изменяющий значение впередистоящего глагола, в результате чего образуется так называемый результативный глагол [34, с. 34]. Аналогичный подход представлен в ряде работ западных сиологов. Так, в силу высокой степени лексикализации таких единиц предлагается трактовать их как сложные слова, например как *verb-resultative compounds* в [35–37] или *resultative verb* в [38]. В отечественной науке схожую позицию можно найти в [39–43].

Для результативных глаголов, занимающих пограничную позицию между сложными словами и словосочетаниями, типична вставка служебных элементов 得 *de* и 不 *bu* для обозначения возможности или невозможности действия, что также выводит эти элементы на уровень морфологии глагола.

Дополнение в [34] предлагается трактовать узко, исходя из установки, что не всякое существительное, стоящее после глагола без предлога, является дополнением этого глагола, и ограничивая роль прямого дополнения только теми элементами, которые допускают инверсию с 把 *bǎ* и пассивизацию [34, с. 23–25].

Как косвенное дополнение С. Е. Яхонтов рассматривает неодушевленные существительные со значением места, стоящие после глаголов направления движения, при этом оговаривается, что «(о)бычно оно свободно чередуется с беспредложным обстоятельством места, не отличаясь от него по грамматическому значению» [34, с. 27], которое типично сочетается с глаголами ненаправительной семантики. Для

⁶ Оригинальные примеры в [34] были взяты из литературных источников, тут даны с сокращениями.

переодоления трудностей по размежеванию косвенного дополнения и обстоятельства в КЯ С. Е. Яхонтов вводит формальный критерий, а именно наличие послелога при существительном или принадлежность имени к категории места или времени. Длительность действия в концепции С. Е. Яхонтова указывается обстоятельством времени, помещаемым после сказуемого. Аналогичную функцию лингвист приписывает счетному слову, указывающему на счет действий [34, с. 28].

Морфемного подхода придерживается и Тань Аошуан, которая отмечает, что буюй — это «постпозитивные составляющие, одни из которых русистами обычно соотносятся с составляющими глагола (префиксы), другие — с обстоятельствами и косвенными дополнениями. В их число входят результативные морфемы (РЕЗ-М), направительные морфемы (НАП-М), потенциальные формы и различные слова, вводимые показателем *de* и обозначающие оценку или каузируемое состояние» [44, с. 35].

В [45; 46] автор выступает с концепцией наличия среди ЧП количественного дополнения для выражения длительности или кратности действия, а также обстоятельств и обстоятельственных оборотов для выражения пространственных характеристик действия или признака, качества действия, степени и меры. В целом В. И. Горелов отмечает, что «между второстепенными членами предложения нельзя провести резкие разграничительные линии и, напротив, при синтаксическом анализе предложения следует учитывать существующие между ними точки соприкосновения» [46, с. 147].

В 1990-х гг. с популяризацией преподавания КЯ как иностранного (и в самом Китае, и за его пределами) изучение грамматики в КНР стало носить более практический, прежде всего лингводидактический характер, в русскоязычные версии учебной литературы по КЯ также проникла китайская концепция 补语 *bǔyǔ*, однако в отношении перевода ключевого термина единого мнения, естественно, тоже не сложилось. Наиболее часто встречающимися вариантами стали «дополнительный элемент», «дополнительный член» и «комплемент». При этом аналогично тому, что наблюдалось в китайской лингвистике, в зависимости от концепции, которой придерживался автор того или иного российского пособия или редактор переводного учебника, некоторые типы буюй в рамках классификации фигурировали как дополнительные члены/элементы, некоторые — как дополнения, некоторые — как обстоятельства. Так, в [47] автор следует концепции Чжу Дэси, поэтому среди возможных типов мы находим дополнительный член результата, дополнительный член направления и дополнительный член возможности, а также два типа дополнений — результата и длительности. В [48] в соответствии с китайской лингводидактической традицией в КЯ постулируется шесть «традиционных» типов дополнительных элементов, описанных выше. Реже других в российской синологии используется термин «комплемент», см. [49, с. 202].

Выводы

В связи с проблемой унификации русскоязычной терминологии описания буюй в КЯ, уже давно и пока, к сожалению, не очень результативно обсуждаемой в синологическом сообществе, представляется необходимым изложить ряд соображений, учет которых мог бы способствовать большей системности и последо-

вательности процедуры выделения и разграничения функциональных элементов предложения. Подобные попытки, надо сказать, в отечественном Китаеведении предпринимались и ранее: так, принципы выделения ЧП вообще (с опорой на [50]) и на материале КЯ в частности уже описывались в [51] (цит. по [52]). Хотя в целом в силу невысокой актуальности теории ЧП для лингвистической науки таких работ немного, и проблема унификации терминологии носит скорее практический характер в связи с ее актуальностью для преподавания КЯ. Тем не менее даже в столь узкой области синтаксиса присвоение статуса центрального термина тому или иному варианту перевода 补语 *bǔyǔ* и его классификация должны отвечать базовым требованиям научного знания.

Анализ имеющихся концепций позволяет сделать следующие выводы в отношении буюй.

1. Классифицирование предполагает деление только по одному конкретному основанию. Если данное правило нарушается, имеет место перекрещивание понятий, что, собственно, и наблюдается в работах по типологии буюй в КЯ, когда в рамках одной классификации одновременно применяются и позиционный, и формально-структурный, и семантический критерии. Это приводит к пересечениям, тогда как для членов классификации предполагается взаимоисключение друг друга. Таксономия должна строиться по какому-то одному параметру.

2. В идеале всем знаменательным словам в предложении должна быть приписана та или иная синтаксическая функция, т. е. каждое слово должно быть охарактеризовано как определенный ЧП. Следует избегать неразложимых или особых, не поддающихся объяснению по общим сформулированным исследователем правилам сочетаний [52, с. 223].

Реализуемость этого подхода зависит от решения такого важного вопроса, как способность комбинаций слов, представляющих собой лексическое и грамматическое единство двух самостоятельных единиц, выступать как один ЧП. Китайская лингвистика XX в., начиная с Ли Цзиньси, прошла путь от полного отрицания такой возможности до ее утверждения в современном китайском языке. В ранних работах, например в [3], не признавалось, что словосочетания могут быть одним ЧП, Ли Цзиньси считал, что при анализе предложения следует раскладывать его компоненты на отдельные самостоятельные слова. В 1950-х гг. сформировался подход, признававший способность словосочетаний иметь одну общую синтаксическую функцию [2; 9]. С конца 1970-х гг. в учебной литературе по китайскому языку общепринятой стала концепция, согласно которой в 全世界的人都看见他们成功了。 *Quán shìjiè de rén dōu kànjiàn tāmen chénggōng le* ‘Весь мир увидел их успех (букв. им удалось)’ комбинация лексически и грамматически самостоятельных слов 他们成功了 *tāmen chénggōng le* ‘им удалось’ рассматривается как дополнение.

Именно этот подход прослеживается при трактовке примеров типа (10) как содержащих буюй, выраженный отдельным, с грамматической точки зрения, строго говоря, вполне самостоятельным предложением: 天气冷得连我都穿上皮袄了。 *Tiānqì lěng de lián wǒ dū chuānshàng píǎo le* ‘Так холодно, что я даже шубу надел’.

Подобные элементы целесообразнее представлять, как отдельные предикации, а само предложение рассматривать как многоуровневую структуру. Признание их одним ЧП (= частью предложения), подобно тому как в школьной грамматике рус-

ского языка считается одним ЧП (обстоятельством) деепричастный оборот, включающий нефинитную форму глагола с зависимыми элементами, ставит под вопрос всю процедуру разложения простого предложения на элементы в зависимости от выполняемой синтаксической функции. В науке применительно к русскоязычному материалу подобные несамостоятельные клаузы, связанные с главной клаузой каким-либо функционально-синтаксическим, например обстоятельственным, отношением, как, скажем, деепричастный оборот, предлагалось рассматривать как «второстепенное сказуемое» или «придаточное сказуемое» [53], т.е. речь должна идти о выводе подобного рода структур в КЯ с уровня простого предложения на более высокий уровень сложного предложения и пересмотре их статуса буюй.

Относительно буюй в КЯ С.Е. Яхонтов отмечал, что «(д)ополнительный член выделяется благодаря тому, что он может быть в соединении с дополнением (иногда — с подлежащим) преобразован в самостоятельное законченное предложение» с сохранением соответствующих отношений:

(20) 刀子磨得很快。 *Dāozi mò de hěn kuài* ‘Нож наточен (очень) остро’ → 刀子很快。
Dāozi hěn kuài ‘Нож (очень) острый’;

(21) 他走累了。 *Tā zǒu leì le* ‘Он устал идти’ → 他累了。 *Tā leì le* ‘Он устал’ [52, с. 234].

А.А. Драгунов в структуре 马跑的很快 *Mǎ pǎo de hěn kuài* ‘Лошадь бежит быстро’ анализирует 很快 *hěn kuài* как «грамматическое и логическое сказуемое» [33, с. 213]. На эту особенность указывали и многие китайские лингвисты, которые предлагали рассматривать подобные структуры как вторичные предикации, см. [16; 23] и наши комментарии выше. В пользу подобной трактовки говорит и тот языковой факт, что общий вопрос в КЯ строится путем повтора с отрицанием именно элементов в сказуемом, что, строго говоря, ставит под сомнение «второстепенность» этого элемента в предложении:

(22) 马跑得快不快? *Mǎ pǎo de kuài bù kuài?* ‘Лошадь бежит быстро?’

3. Место слова в предложении само по себе не может выступать признаком ЧП, поскольку один и тот же ЧП может занимать линейно разные позиции, например, дополнение допустимо как в постпозиции, так и в препозиции к сказуемому:

(23) 她没买什么。 *Tā méi mǎi shénme* ‘Она ничего не купила.’

(24) 她什么也没买。 *Tā shénme yě méi mǎi* ‘Она ничего не купила.’

Соответственно, аналогичный принцип следует отнести и к обстоятельству, см. обсуждение примеров (13) и (14) выше. Аналогично обстоятельство степени, выраженное наречием, обстоятельство меры, представленное счетным комплексом (с семантикой кратности или длительности), обстоятельство места, которое обозначается предложно-именной группой, могут стоять как перед глаголом в сказуемом, так и после него. Так, в (3) и (4) речь в обоих примерах идет о степени проявления признака, разница в которой относится к области семантики и никак не влияет на синтаксическую функцию соответствующего элемента, обозначающего в обоих случаях признак признака. Поэтому введение еще одного ЧП, находящегося в аналогичных обстоятельственных отношениях со сказуемым, по позиционному критерию нецелесообразно. При необходимости проблему линейного раз-

межевания можно решить путем выделения подтипов, например препозитивного и постпозитивного обстоятельства, см. [26; 30] и наши комментарии выше.

4. Позиционный критерий не работает еще и потому, что единицы одной и той же частеречной принадлежности в одной и той же позиции могут находиться в разных синтаксических отношениях с другими словами в своем окружении. Например, счетный комплекс в позиции между глаголом и существительным может находиться в синтаксических отношениях как с одним, так и с другим:

(25) 她买了一本书。 *Tā mǎile yī běn shū* ‘Она купила (одну) книгу’;

(26) 她看了一夜书。 *Tā kànle yī yè shū* ‘Она читала (книгу) всю ночь’.

В (25) квантифицирующая группа относится к существительному в позиции объекта, тогда как в (26) 一夜 *yī yè* ‘одна ночь’ задает количественный параметр действия и находится в определенных синтаксических отношениях именно с глаголом в сказуемом.

5. Даже одна и та же языковая единица в определенной позиции в предложении может обнаруживать совершенно различные синтаксические отношения с другими словами в своем окружении. Игнорирование содержания этих отношений и единообразная трактовка синтаксической функции исключительно по позиционному критерию может привести к не вполне адекватному прочтению предложения. Как в свое время продемонстрировал Чжао Юаньжэнь, предложение 鸡不吃了。 *Jī bù chī le* может иметь двоякую интерпретацию, допуская и субъектную, и объектную трактовку — ‘Куры больше не хотят есть’ или ‘Курицу [я] больше не ем’ [7, с. 35].

6. Имеющиеся в КЯ аспектуальные показатели 了 *-le*, 过 *-guo*, 着 *-zhe* произошли именно от элементов глагольной природы, присоединявшихся к предикатным словам, и превратились в служебные морфемы (аффиксы). Сегодня среди самых частотных элементов (с исходной преимущественно направительной семантикой) некоторая их часть уже явно тоже подверглась грамматикализации, выражая значение фазовости: 上 *shang* и 起来 *qilai* — инхоатива (начальная фаза), 下去 *xiaqu* — континуатива (стадия продолжения), 完 *wán* — терминатива (прекращение/завершение ситуации) — или результативности: 上 *shang*, 下 *xia*, 住 *zhu* — для указания на достижение предполагаемого действием результата (подробнее см. [41]).

В этой связи представляется целесообразным учесть не раз озвучивавшееся в описаниях КЯ наблюдение о тесном смыкании подобных единиц с глагольной морфемой и превращении их в единый полисиллабный глагол, рассматривая их как один ЧП (сказуемое). Это наблюдение также актуально и для тех структур в КЯ, которые называют «предложно-именным буюй». Обсуждение см. в [54]. Аналогичные процессы в родственном китайскому дунганском языке привели к появлению в нем «сложных основ», в структуру которых входит морфема-модификатор, выражающая тот или иной результат или начало действия [55, с. 5]. В русском языке схожее явление представляют изоморфные предлогам глагольные приставки: **входить в комнату**, **набросить на плечи**, **дочитать до конца** и т. п., семантические свойства которых сегодня также рассматриваются в связи с аспектуальными характеристиками соответствующего глагола в сказуемом.

7. Часть слова не может выступать отдельным ЧП, поэтому те контексты, которые выражают семантику возможности или невозможности действия, следует отнести к уровню морфологии. Такое решение обусловливается природой показа-

телей 得 *de* и 不 *bù*, определяемой во многих лингвистических исследованиях как аффиксальная, когда для выражения потенциальной возможности или невозможности действия между глагольной морфемой и результативным модификатором инфиксируется соответствующий показатель. Это свойство подробно описано в литературе, в том числе в [12; 34; 41].

8. С учетом вышесказанного позиционирование буюй именно как **члена предложения**, вместе с подлежащим, сказуемым, дополнением, определением и обстоятельством входящего в соответствующую систему четко противопоставленных синтаксических функций, представляется неподтвержденным, а использование термина «дополнительный член (предложения)» для того явления, которое входит в понятийное содержание термина китайской лингвистики 补语 *bǔyǔ*, необоснованным.

9. Неудачным представляется и использование русифицированного варианта «комплемент» англоязычной версии 补语 *bǔyǔ* — complement, зарезервированной для определенных синтаксических структур в генеративной грамматике, где этим термином называют зависимую составляющую группы, обычно присутствующую в субкатегориальных признаках вершины как обязательный участник при описании его валентностей в лексиконе. Использование одного и того же термина в рамках одной области, в нашем случае в синтаксисе, нарушает одно из ключевых требований, предъявляемых к терминосистемам, — требование однозначности термина, сформулированное еще в [55].

10. Наиболее удачным вариантом перевода термина 补语 *bǔyǔ*, призванного обслуживать прежде всего лингводидактические аспекты описания КЯ, представляется термин «дополнительный элемент» в русском языке, отражающий специфику подхода к этому явлению в китайской лингвистике, где он выделяется учеными не всегда четко и последовательно и поэтому изначально имеет довольно размытый статус. Столь же трудно определимый для отечественного читателя объем понятия «элемент» в некоторой степени отражает несистемность и гетерогенность единиц, включаемых в данное явление в китайских учебниках. И хотя подобная инициатива с нашей стороны носит лишь терминопорядочивающий характер, возможно, представляя собой не очень значительный вклад в прояснение статуса дополнительного элемента в целом, тем не менее подобный шаг давно назрел и является практически необходимым для дальнейшей минимизации разночтений в описаниях данного явления и последующего углубления исследований грамматического строя КЯ на современном этапе.

Литература

1. Касевич В. Б. Элементы общей лингвистики. М.: Наука, 1977. 184 с.
2. 丁声树等著. 现代汉语语法讲话. 北京: 商务印书馆, 1961/1999. [Дин Шэншу и др. Лекции по грамматике современного китайского языка. Пекин: Шаньгу иньшугуань, 1961/1999. 228 с.] (На кит. яз.)
3. 黎锦熙. 新著国语文法. 长沙: 湖南教育出版社, 1924/2007. [Ли Цзиньси. Новая грамматика китайского языка. Чанша: Хунань цзяюу чубаньшэ, 1924/2007. 347 с.] (На кит. яз.)
4. Nesfield J. C. Manual of English Grammar and Composition. London: Macmillan and Co., 1898. 348 p. URL: https://openlibrary.org/works/OL247380W/Manual_of_English_grammar_and_composition (дата обращения: 31.01.2022).
5. 吕叔湘. 中国文法要略. 北京: 商务印书馆, 1942/1982. [Люй Шусян. Очерк грамматики китайского языка. Пекин: Шаньгу иньшугуань, 1942/1982. 681 с.] (На кит. яз.)

6. 王力. 中国现代语法. 北京: 商务印书馆, 1943/1985. [Ван Ли. Современная китайская грамматика. Пекин: Шанъу иньшугуань, 1943/1985. 404 с.] (На кит. яз.)
7. *Chao Yuen Ren. Mandarin Primer: An intensive course in spoken Chinese.* Cambridge: Harvard University Press; London: Geoffrey Cumberlege, 1948. 336 p.
8. 赵元任. 北京口语语法. 中国青年出版社, 1952. [Чжао Юаньжэнь. Грамматика разговорного языка Пекина. Пекин: Чжунго циньянь чубаньшэ, 1952. 60 с.] (На кит. яз.)
9. 吕叔湘. 朱德熙. 语法修辞讲话. 开明书店, 1951. [Люй Шусянь, Чжу Дэси. Лекции по грамматике и стилистике. Каймин шудянь, 1951. 463 с.] (На кит. яз.)
10. *Chao Yuan Ren. A Grammar of Spoken Chinese.* Berkeley; Los Angeles: University of California Press, 1968. 847 p.
11. 赵元任. 汉语口语语法. 北京: 商务印书馆, 1979. [Чжао Юаньжэнь. Грамматика разговорного китайского языка. Пекин: Шанъу иньшугуань, 1979. 380 с.] (На кит. яз.)
12. 朱德熙. 语法讲义. 北京: 商务印书馆, 1982/1984. [Чжу Дэси. Лекции по грамматике. Пекин: Шанъу иньшугуань, 1982/1984. 232 с.] (На кит. яз.)
13. 黄伯荣, 廖序东. 现代汉语. 北京: 高等教育出版社, 1981/1988. [Хуан Божун, Ляо Сюйдун. Современный китайский язык. Ганьсу: Жэньминь чубаньшэ, 1981/1988. 548 с.] (На кит. яз.)
14. 刘月华等著. 实用现代汉语语法. 北京: 外语教学与研究出版社, 1983. [Лю Юэхуа и др. Практическая грамматика современного китайского языка. Пекин: Вайюй цзяосюэ юй яньцзю чубаньшэ, 1983. 628 с.] (На кит. яз.)
15. 现代汉语补语研究资料. 北京语言学院出版社, 1992. [Материалы исследований дополнительного элемента в современном китайском языке. Пекин: Юйянь сюэюань чубаньшэ, 1992. 744 с.] (На кит. яз.)
16. 陆俭明. 述补结构的复杂性——《现代汉语补语研究资料》序. 语言教学与研究, 1990 (1): 13–20. [Лу Цзяньмин. Сложность предикативно-результативных конструкций. Предисловие к «Материалам исследований дополнительного элемента в современном китайском языке» // Преподавание и изучение языка. 1990. № 1. С. 13–20.] (На кит. яз.)
17. 刘月华等著. 实用现代汉语语法. (增订本) 北京: 商务印书馆, 2001. [Лю Юэхуа и др. Практическая грамматика современного китайского языка (изд. испр. и доп.). Пекин: Шанъу иньшугуань, 2001. 1005 с.] (На кит. яз.)
18. 胡裕树等著. 现代汉语. 上海教育出版社, 1981. [Ху Юйшу и др. Современный китайский язык. Шанхай: Шанхай цзяюй чубаньшэ, 1981. 561 с.] (На кит. яз.)
19. 吕叔湘. 现代汉语八百词. 北京: 商务印书馆, 1980. [Люй Шусянь. 800 слов современного китайского языка. Пекин: Шанъу иньшугуань, 1980. 668 с.] (На кит. яз.)
20. Син Фуи. Грамматика китайского языка. СПб.: Изд-во С.-Петербурга. ун-та, 2019. 764 с.
21. 唐启运. 句子成分论析. 上海: 上海教育出版社, 1980. [Тан Циюнь. Анализ по членам предложения. Шанхай: Шанхай цзяюй чубаньшэ, 1980. 177 с.] (На кит. яз.)
22. 徐枢. 宾语和补语. 哈尔滨: 黑龙江人民出版社, 1985. [Сюй Шу. Дополнение и дополнительный элемент. Харбин: Хэйлунцзянь жэньминь чубаньшэ, 1985. 212 с.] (На кит. яз.)
23. 金立鑫. 解决汉语补语问题的一个可行性方案. 中国语文, 2009 (5): 387–398. [Цзинь Лисинь. Возможное решение проблемы дополнительного элемента в китайском языке // Китайский язык. 2009. № 5. С. 387–398.] (На кит. яз.)
24. 邵菁, 金立鑫. 补语和 Complement. 外语教学与研究, 2011 (1): 48–57. [Шао Цзин, Цзинь Лисинь. Дополнительный элемент и Complement // Преподавание и изучение языка. 2011. № 1. С. 48–57.] (На кит. яз.)
25. 朱德熙. 语法答问. 北京: 商务印书馆, 1985. [Чжу Дэси. Грамматика в вопросах и ответах. Пекин: Шанъу иньшугуань, 1985. 84 с.] (На кит. яз.)
26. 吕叔湘. 汉语语法分析问题. 北京: 商务印书馆, 1979. [Люй Шусянь. Проблемы грамматического анализа китайского языка. Пекин: Шанъу иньшугуань, 1979. 113 с.] (На кит. яз.)
27. 沈家煊. 如何解决“补语”问题. 世界汉语教学, 2010 (4): 435–445. [Шэнь Цзясюань. Как решить проблему «дополнительного элемента»? // Преподавание китайского языка в мире. 2010. № 4. С. 435–445.] (На кит. яз.)
28. 沈家煊. 汉语有没有“主谓结构”. 现代外语, 2017 (1): 1–13. [Шэнь Цзясюань. Есть ли в китайском языке субъектно-предикативная конструкция? // Современные иностранные языки. 2017. № 1. С. 1–13.] (На кит. яз.)

29. Lyons J. Introduction to Theoretical Linguistics. London: Cambridge University Press, 1968. 519 p.
30. 刘丹青. 小句内句法结构: 《语法调查研究手册》节选. 世界汉语教学, 2005 (3): 28–44. [Лю Даныцин. Синтаксическая структура зависимого предложения: выдержки из «Справочника грамматических исследований» // Преподавание китайского языка в мире. 2005. № 3. С. 28–44.] (На кит. яз.)
31. 马真. 简明实用汉语语法教程. 北京大学出版社, 2015. [Ма Чжэнь. Краткий курс практической грамматики китайского языка. Пекин: Бэйцзин дасюэ чубаньшэ, 2015. 176 с.] (На кит. яз.)
32. Liu Yuehua, Pan Wenyu, Gu Wei. Practical Grammar of Modern Chinese III Sentence Constituents (Chinese Linguistics Book 3). London: Routledge, 2021. 226 p.
33. Драгунов А. А. Грамматическая система современного китайского разговорного языка. Л.: Изд-во ЛГУ, 1962. 270 с.
34. Яхонтов С. Е. Категория глагола в китайском языке. Л.: Изд-во ЛГУ, 1957. 182 с.
35. Thompson S. A. Resultative verb compounds in Mandarin Chinese: a case for lexical rules. *Language*, 1973, № 49 (2). P. 361–379.
36. Li C. N., Thompson S. A. Mandarin Chinese: A Functional Reference Grammar. Berkeley: University of California Press, 1981. 720 p.
37. Ross C. Resultative verb compounds // *Journal of the Chinese Language Teachers Association*. 1990. № 25 (3). P. 61–83.
38. Packard J. L. The Morphology of Chinese: A Linguistic and Cognitive Approach. Cambridge: Cambridge University Press, 2000. 335 p.
39. Задоенко Т. П. Результативные глаголы в современном китайском языке: дис. ... канд. филол. наук. М., 1955. 241 с.
40. Антонян К. В. Результативные конструкции в современном китайском языке: процессы грамматикализации и лексикализации: дис. ... канд. филол. наук. М., 1994. 101 с.
41. Антонян К. В. Морфология результативных конструкций в китайском языке. М.: Муравей, 2003. 270 с.
42. Колпачкова Е. Н. Классы глагола, сочетаемость и типология // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 13: Востоковедение. Африканистика*. 2009. № 1. С. 137–149.
43. Колпачкова Е. Н. Грамматика порядков: правила формирования глагольных цепочек в китайском языке // *Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика*. 2011. № 3. С. 115–121.
44. Тянь Аошуан. Проблемы скрытой грамматики: синтаксис, семантика и прагматика языка изолирующего строя (на примере китайского языка). М.: Языки славянской культуры, 2002. 896 с.
45. Горелов В. И. Практическая грамматика китайского языка. М.: Внешторгиздат, 1957. 192 с.
46. Горелов В. И. Теоретическая грамматика китайского языка. М.: Просвещение, 1989. 317 с.
47. Кондрашевский А. Ф., Румянцева М. В., Фролова М. Г. Практический курс китайского языка: в 2 т. М.: Муравей, 2000. 549 + 524 с.
48. Ивченко Т. В. Китайский язык. Полная грамматика в схемах и таблицах. М.: АСТ, 2021. 736 с.
49. Готлиб О. М. Практическая грамматика современного китайского языка. М.: Муравей, Восток — Запад, Восточная книга, 2002. 297 с.
50. Апресян Ю. Д. Идеи и методы современной структурной лингвистики. М.: Просвещение, 1966. 305 с.
51. Яхонтов С. Е. Принципы выделения членов предложения в китайском языке // *Языки Китая и Юго-Восточной Азии: проблемы синтаксиса* / отв. ред. Н. Ф. Алиева, Ю. Я. Плам. М.: Наука, 1971. С. 244–258.
52. Проблемы китайского и общего языкознания. К 90-летию С. Е. Яхонтова. СПб.: Студия «НП-Принт», 2016. 656 с.
53. Шахматов А. А. Синтаксис русского языка. М.: Эдиториал УРСС, 1941/2001. 624 с.
54. Lu Bingfu, Zhang Guohua, Bisang Walter. Valency classes in Mandarin // *Valency classes in the worlds languages. Volume 1: Introducing the framework, and case studies from Africa and Eurasia* / Ed. by A. Malchukov, V. Comrie. Berlin; Boston: De Gruyter Mouton, 2015. P. 709–764.
55. Драгунов А. А. Исследования в области дунганской грамматики. Категория вида и времени в дунганском языке (диалект ганьсу). М., Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1940. 86 с. (Труды

Института востоковедения АН СССР. Т. 27). URL: http://www.orientalstudies.ru/rus/images/pdf/add1/TIVAN_27_1940_dragunov.pdf (дата обращения: 18.11.2021).

56. Лотте Д. С. Основы построения научно-технической терминологии. Вопросы теории и методики. М.: АН СССР, 1961. 160 с.

Статья поступила в редакцию 10 сентября 2022 г.,
рекомендована к печати 31 марта 2023 г.

Контактная информация:

Емельченкова Елена Николаевна — канд. филол. наук; emelchenkova@gmail.com

The Evolution of the Concept of Complement (补语 *bǔyǔ*) in Chinese Linguistics

E. N. Emelchenkova

St. Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

For citation: Emelchenkova E. N. The Evolution of the Concept of Complement (补语 *bǔyǔ*) in Chinese Linguistics. *Vestnik of Saint Petersburg University. Asian and African Studies*, 2023, vol. 15, issue 2, pp. 307–331. <https://doi.org/10.21638/spbu13.2023.206> (In Russian)

The article is devoted to the description of buyu (补语 *bǔyǔ*), i. e. a linguistic concept of a complement perceived as a special part of a sentence in Chinese linguistics. The problem of distinguishing grammatical units of a sentence that share one syntactic function is considered. Less than a century ago China did not have any knowledge of theoretical linguistics of its own, so it had to borrow the concept from foreign science. Thus, the notion of a complement that supplements the semantics of a verb or an adjective in a predicate was introduced by Li Jinxi who had borrowed it from English grammars and applied to Chinese syntax. However, soon enough it had become a subject of revision. The article reflects how the concept of buyu has become a mixture of related linguistic phenomena by its gradual meaning extension. Besides, the paper analyses topmost structural and semantic features of the units that perform the role of buyu in a sentence, as well as summarises the criteria for distinguishing it from other parts of a sentence, i. e. an object and adverbial modifier. It is claimed that a single and consistent approach should be employed to the relevant elements with the same syntactic function and that the existing descriptions of Chinese grammar should be reexamined providing the concept of buyu. Finally, the author stresses the necessity to use the term *dopolnitel'niy element* ('an additional element') for terminological consistency in Russian sinological literature.

Keywords: Chinese language, Chinese grammar, Chinese syntax, sentence parts, parts of the sentence, sentence elements, complement, buyu.

References

1. Kasevich V. B. *Elements of general linguistics*. Moscow, Nauka Publ., 1977. 184 p. (In Russian)
2. Ding Shengshu *Lectures on Modern Chinese Grammar*. Beijing, Commercial Press, 1961/1999. 228 p. (In Chinese)
3. Li Jinxi. *The new Chinese grammar*. Changsha, Hunan jiaoyu chubanshe, 1924/2007. 347 p. (In Chinese)
4. Nesfield J. C. *Manual of English Grammar and Composition*. London, Macmillan and Co., 1898. 348 p. Available at: https://openlibrary.org/works/OL247380W/Manual_of_English_grammar_and_composition (accessed: 31.01.2022).

5. Lü Shuxiang. *A brief grammar of Chinese*. Beijing, Commercial Press, 1942/1982. 681 p. (In Chinese)
6. Wang Li. *Modern Chinese grammar*. Beijing, Commercial Press, 1943/1985. 404 p. (In Chinese)
7. Chao Yuen Ren. *Mandarin Primer: An intensive course in spoken Chinese*. Cambridge, Harvard University Press; London, Geoffrey Cumberlege, 1948. 336 p.
8. Zhao Yuanren. *A grammar of spoken Pekingese*. Beijing, Zhongguo qingnian chuban, 1952. 60 p. (In Chinese)
9. Lü Shuxiang, Zhu Dexi. *Lectures on Grammar and Rhetoric*. Kaiming shudian, 1951. 463 p. (In Chinese)
10. Chao Yuan Ren. *A Grammar of Spoken Chinese*. Berkeley; Los Angeles: University of California Press, 1968. 847 p.
11. Zhao Yuanren. *A grammar of spoken Chinese*. Beijing, Commercial Press, 1979. 380 p. (In Chinese)
12. Zhu Dexi. *Lectures on grammar*. Beijing, Commercial Press, 1982/1984. 232 p. (In Chinese)
13. Huang Borong, Liao Xudong. *Modern Chinese*. Gansu, Renmin chubanshe, 1981/1988. 548 p. (In Chinese)
14. Liu Yuehua et al. *A practical grammar of Modern Chinese*. Beijing, Waiyu jiaoxue yu yanjiu chubanshe, 1983. 628 p. (In Chinese)
15. Research materials on complement in modern Chinese. Beijing, Yuyan xueyuan chubanshe, 1992. 744 p. (In Chinese)
16. Lu Jianming. The Complexity of Resultative Complement Structure: Preface to “Research materials on complement in Modern Chinese”. *Yuyan jiaoxue yu yanjiu*, 1990, no. 1, pp. 13–20. (In Chinese)
17. Liu Yuehua et al. *Practical grammar of Modern Chinese* (revised ed.). Beijing, The Commercial Press, 2001. 1005 p. (In Chinese)
18. Hu Yushu et al. *Modern Chinese*. Shanghai, Shanghai jiaoyu chubanshe, 1981. 561 p. (In Chinese)
19. Lü Shuxiang. *Modern Chinese 800 words*. Beijing, The Commercial Press, 1980. 668 p. (In Chinese)
20. Xing Fuyi. *Modern Chinese grammar*. St. Petersburg, St. Petersburg University Press, 2019. 764 p. (In Russian)
21. Tang Qiyun. *Analysis of Sentence Components*. Shanghai, Shanghai jiaoxue chubanshe, 1980. 177 p. (In Chinese)
22. Xu Shu. *Objects and Complements*. Harbin, Heilongjiang renmin chubanshe, 1985. 212 p. (In Chinese)
23. Jin Lixin. A possible analysis of Chinese buyu. *Zhongguo yuwen*, 2009, no. 5, pp. 387–398. (In Chinese)
24. Shao Jing, Jin Lixin. Buyu and Complement. *Yuyan jiaoxue yu yanjiu*, 2011, no. 1, pp. 48–57. (In Chinese)
25. Zhu Dexi. *Questions and answers in grammar*. Beijing, The Commercial Press, 1985. 84 p. (In Chinese)
26. Lü Shuxiang. *Problems in the grammatical analysis of Chinese*. Beijing, The Commercial Press, 1979. 113 p. (In Chinese)
27. Shen Jiaxuan. How to Solve the “Complement” Problem. *Shijie hanyu jiaoxue*, 2010, no. 4, pp. 435–445. (In Chinese)
28. Shen Jiaxuan. Does Chinese have a “subject-verb structure”? *Xiandai waiyu*, 2017, no. 1, pp. 1–13. (In Chinese)
29. Lyons J. *Introduction to Theoretical Linguistics*. London, Cambridge University Press, 1968. 519 p.
30. Liu Danqing. Clause syntactic structure: An excerpt from the Handbook of Grammar Survey and Research. *Shijie hanyu jiaoxue*, 2005, no. 3, pp. 28–44. (In Chinese)
31. Ma Zhen. *Concise and Practical Chinese Grammar Course*. Beijing, Beijing daxue chubanshe, 2015. 176 p. (In Chinese)
32. Liu Yuehua, Pan Wenyu, Gu Wei. *Practical Grammar of Modern Chinese III Sentence Constituents (Chinese Linguistics Book 3)*. London, Routledge, 2021. 226 p.
33. Dragunov A. A. *The grammatical system of spoken Chinese*. Leningrad, Izd-vo LGU Publ., 1962. 270 p. (In Russian)
34. Yakhontov S. E. *The category of the verb in Chinese*. Leningrad, Izd-vo LGU Publ., 1957. 182 p.
35. Thompson S. A. Resultative verb compounds in Mandarin Chinese: a case for lexical rules. *Language*, 1973, no. 49 (2), pp. 361–379.

36. Li C. N., Thompson S. A. *Mandarin Chinese: A Functional Reference Grammar*. Berkeley, University of California Press, 1981. 720 p.
37. Ross C. Resultative verb compounds. *Journal of the Chinese Language. Teachers Association*, 1990, no. 25 (3), pp. 61–83.
38. Packard J. L. *The Morphology of Chinese: A Linguistic and Cognitive Approach*. Cambridge, Cambridge University Press, 2000. 335 p.
39. Zadoenko T. P. *Resultative verbs in modern Chinese*. PhD thesis. Moscow, 1955. 241 p. (In Russian)
40. Antonyan K. V. *Resultative constructions in modern Chinese: Processes of grammarization and lexicalization*: PhD thesis. Moscow, 1994. 101 p. (In Russian)
41. Antonyan K. V. *Morphology of resultative constructions in Chinese*. Moscow, Muravei Publ., 2003. 270 p. (In Russian)
42. Kolpachkova E. N. Verb classes, compatibility and typology. *Vestnik of Saint Petersburg University. Asian and African Studies*, 2009, no. 1, pp. 137–149. (In Russian)
43. Kolpachkova E. N. Grammar of orders: rules for the formation of verb chains in Chinese. *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics*, 2011, no. 3, pp. 115–121. (In Russian)
44. Tan Aoshuang. *Problems of hidden grammar: syntax, semantics and pragmatics of the language of an isolating system (the case of Chinese)*. Moscow, Iazyki slavianskoi kul'tury Publ., 2002. 896 p. (In Russian)
45. Gorelov V. I. *Practical grammar of the Chinese language*. Moscow, Vneshtorgizdat Publ., 1957. 192 p. (In Russian)
46. Gorelov V. I. *Theoretical grammar of the Chinese language*. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1989. 317 p. (In Russian)
47. Kondrashevsky A. F., Rumyantseva M. V., Frolova M. G. *Practical course of the Chinese language*. In 2 vols. Moscow, Muravei Publ., 2000. 549 + 524 p. (In Russian)
48. Ivchenko T. V. *Chinese. Complete grammar in diagrams and tables*. Moscow, AST Publ., 2021. 736 p. (In Russian)
49. Gotlib O. M. *Practical Grammar of Modern Chinese*. Moscow, Muravei Publ., Vostok — Zapad Publ., Vostochnaia kniga Publ., 2002. 297 p. (In Russian)
50. Apresyan Yu. D. *Ideas and methods of modern structural linguistics*. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1966. 305 p. (In Russian)
51. Yakhontov S. E. Principles of distinguishing between sentence members in Chinese. *Iazyki Kitaia i Iugo-Vostochnoi Azii: problemy sintaksisa*. Ed. by N. F. Alieva, Yu. Ya. Plum. Moscow, Nauka Publ., 1971, pp. 244–258. (In Russian)
52. *Problems of Chinese and general linguistics. To the 90th anniversary of S. E. Yakhontov*. St. Petersburg: NP-Print Studio Publ., 2016. 656 p. (In Russian)
53. Shakhmatov A. A. *The syntax of the Russian language*. Moscow, Editorial URSS Publ., 1941/2001. 624 p. (In Russian)
54. Lu Bingfu, Zhang Guohua, Bisang Walter. Valency classes in Mandarin. *Valency classes in the worlds languages. Volume 1: Introducing the framework, and case studies from Africa and Eurasia*. Ed. by A. Malchukov, B. Comrie. Berlin; Boston, De Gruyter Mouton, 2015, pp. 709–764.
55. Dragunov A. A. *Research in the field of Dungan grammar. The category of aspect and tense in the Dungan language (Gansu dialect)*. Moscow; Leningrad, Izd-vo Akademii nauk SSSR Publ., 1940. 86 p. (Proceedings of the Institute of Oriental Studies of the USSR Academy of Sciences. Vol. 27). Available at: http://www.orientalstudies.ru/rus/images/pdf/add1/TIVAN_27_1940_dragunov.pdf (accessed: 18.11.2021). (In Russian)
56. Lotte D. S. *Fundamentals of building scientific and technical terminology*. Moscow, AN SSSR Publ., 1961. 160 p. (In Russian)

Received: September 10, 2022

Accepted: March 31, 2023

Author's information:

Elena N. Emelchenkova — PhD in Philology; emelchenkova@gmail.com